

гаются усталые люди. Онъ испуганъ революціей, возстаніемъ челоуѣка въ гуманизмѣ. И вопіетъ о ничтожествѣ челоуѣка. Окрикъ не рѣшаетъ вопроса... Врядъ-ли у Шютца точное представленіе о челоуѣкѣ. Не видно, какъ и зачѣмъ Богъ сталъ челоуѣкомъ. И не видно, что есть Церковь... У Шютца очень рѣзко сказывается основная слабость протестантизма. Реформація есть дѣйствительно прежде всего эсхатологія. Я бы сказалъ: гиперъ-эсхатологизмъ. Исторически это понятно въ напряженіи противъ римско-католическаго гиперъ-историзма. Но менѣе всего это есть рѣшеніе и развязка... Пусть для христіанина исторія не есть строительство. Она есть подвигъ. Не только ожиданіе, не только надежда, не только намекъ... Ибо мы не вдали, но свои у Бога. Ибо Сынъ Божій сталъ и не престалъ быть Сыномъ Человѣческимъ...

Свящ. Г. В. Флоровскій.

1932. VII. 12.

Garrigou-Lagrange, O. P. La Providence et la confiance en Dieu. Desclée de Brouwer.

Гарригу-Лагранжъ, доминиканецъ и профессоръ теологическаго факультета имени св. Ѡмы Аквината въ Римѣ, считается главнымъ теологомъ и философомъ современнаго томизма. Книги его пользуются большимъ авторитетомъ. Его новая книга о Провидѣніи произвела на меня очень сильное впечатлѣніе, на время ея чтенія я сталъ атеистомъ и даже воинствующимъ атеистомъ. Впрочемъ долженъ сказать, что большая часть теодицей производитъ на меня такое впечатлѣніе и по моему убѣжденію является однимъ изъ источниковъ атеистическаго сознанія. Такова прежде всего теодицея Лейбница. И напрасно упрекаютъ Лейбница въ раціонализмѣ, предполагая, что традиціонныя теологическія системы отъ этого раціонализма свободны. Теодицея Бл. Августина нисколько не лучше, въ ней живая челоуѣческая личность также падаетъ жертвой отвлеченной идеи гармоніи цѣлаго, въ которой зло и страданіе нужны, какъ тѣнь свѣта. Построители теодицей обыкновенно очень напоминаютъ утѣшителей Іова и въ этомъ ихъ осужденіе. Философія Гарригу-Лагранжа по своему нестерпимому оптимизму очень въ концѣ концовъ схожа съ философіей Панглосса, зло и справедливо осмѣянной Вольтеромъ. Томизму вообще въ слабой степени свойственно ощущеніе зла и страданія. Это совсѣмъ не трагическое міросозерцаніе, и его раціоналистическій оптимизмъ опредѣляется телеологической философіей. Изъ всѣхъ раціональныхъ доказательствъ бытія Божьяго, вообще не много стоящихъ, безспорно самое слабое доказательство телеологическое. Когда

на первый планъ выдвигается вопросъ о цѣлесообразности всего происходящаго въ мірѣ, то атеизмъ дѣлается нисколько не менѣе правдоподобнымъ, чѣмъ теизмъ. Вѣра въ Бога, въ Смыслъ возможна лишь вопреки бессмыслицы міровой жизни. Вся концепція Гарригу-Лагранжа—пассивно-созерцательная, скорѣе греческая, чѣмъ христіанская, совершенно чуждая трагизма креста. Но красота греческаго созерцанія въ этой концепціи совершенно исчезаетъ и замѣняется несносной нравоучительной рационализацией. Въ своемъ ученіи о Провидѣніи Гарригу-Лагранжъ проходитъ мимо единственной возможной теодицеи — теодицеи христологической, черезъ Крестъ и Распятіе самого Бога. Теодицея, т. е. оправданіе Бога, возможность вѣры въ Провидѣніе передъ лицомъ страданій и зла міра, можетъ быть лишь во Христѣ, въ страданіи и жертвѣ самого Бога. Но Гарригу-Лагранжъ школьный, книжный человѣкъ, онъ живетъ подъ стекляннымъ колпакомъ, онъ не знаетъ людей, не знаетъ міра, не знаетъ мукъ и агоніи міра. Послѣ Достоевскаго, послѣ Ницше, послѣ Киркегарда нельзя такъ писать, какъ пишетъ Гарригу-Лагранжъ и нельзя его читать. Это есть судъ надъ всей школьной, внѣжизненной теологіей съ ея рационалистической и оптимистической теодицеіей. Въ концѣ концовъ на путяхъ Гарригу-Лагранжа приходится оправдать существованіе зла въ мірѣ (Богъ все предвидѣлъ и дозволилъ), оправдать всякую несправедливость и неправду и вмѣстѣ съ тѣмъ осудить «злыхъ» на вѣчныя муки, запретить любовь къ осужденнымъ. Вѣроятно оправданіе зла и достигается укрѣпленіемъ ада. Адъ необходимъ для мірового порядка, для міровой гармоніи, адъ есть благо, добро, справедливость. Такимъ образомъ зло не нарушаетъ замысла Провидѣнія. Гарригу-Лагранжъ, конечно, по установившейся традиціи смертельно боится пантеизма. Отверженіе всякаго пантеизма считается главнымъ подвигомъ Ѳомы Аквината, онъ его достигаетъ своимъ классическимъ радикальнымъ раздѣленіемъ естественнаго и сверхъестественнаго. Но это приводитъ къ тому; что Первый Двигатель оказывается всегда внѣшнимъ по отношенію къ міру и человѣку, что эти отношенія начинаютъ уподобляться механическому толчку. Богъ любитъ больше всего самого себя и создаетъ для себя, для своего прославленія міръ и человѣка, которые ему не нужны, которые въ божественной жизни ничтожная случайность и прихоть. Паническій страхъ пантеизма ведетъ къ пантеизму въ новой формѣ, не въ формѣ обожествленія міра и человѣка, а въ формѣ признанія ихъ окончательнаго ничтожества, ихъ совершенной несамостоятельности. Въ этой смертельно враждебной пантеизму концепціи отрицается всякая творческая активность человѣка, всякая свободная его инициатива. Это есть разительное противорѣчіе

въ критикѣ пантеизма всякой раціональной теологіи. И связано это, думается, съ тѣмъ, что всякая католическая теологія неизбежно должна перейти въ апоетическую теологію и всякое мышленіе о Богѣ въ положительныхъ понятіяхъ должно перейти въ мышленіе отрицательное, прибѣгающее къ символамъ вмѣсто понятій. Католическое мышленіе о Богѣ приводитъ къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ и даетъ пищу для атеизма. Ибо изъ всѣхъ именъ, которыя даются Богу, есть лишь одно имя, которое никогда не можетъ вызвать атеистическаго возстанія, имя это есть Тайна. А когда мы начинаемъ говорить антропоморфнымъ языкомъ, то лучшія имена — Любовь, Жертва, Страданіе. Томизмъ, какъ и вся почти раціональная теологія, не въ силахъ установить правильнаго соотношенія между положительнымъ и отрицательнымъ богопознаніемъ, онъ слишкомъ далеко заходитъ въ раціонализациі и запрещаетъ дальше двигаться, когда затрудненіе дѣлается невыносимымъ. Невыносимо въ книгѣ Гарригу-Лагранжа еще свойственное всѣмъ томистамъ убѣжденіе, что человекъ всегда естественно стремится къ счастью и благу, зтотъ эвдемонизмъ. Современная психологія никакъ не можетъ этого принять, она оправдываетъ Достоевскаго и Ницше, а не Аристотеля и Оому Аквината. Гарригу-Лагранжъ явно искажаетъ Евангеліе и умалываетъ необычайность христіанскаго откровенія, когда онъ устанавливаетъ градацію любви по родственности. Родственниковъ полагается любить больше, чѣмъ не родственниковъ, людей своей національности больше, чѣмъ людей чужой національности и т. д. Непонятно для какого рода душъ написана книга Гарригу-Лагранжа, она принадлежитъ къ типу благочестивой литературы, которая становится всеболѣе и болѣе невыносимой для душъ болѣе сложныхъ и утонченныхъ, которыхъ мучитъ Богъ. Извѣстная книга Гарригу-Лагранжа «Le sens commun» стояла на гораздо болѣе высокомъ уровнѣ.

Николай Бердяевъ.